

Манкиева Эсет Хамзатовна

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МАТЕРИ В КАВКАЗОВЕДЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "БЕГЛЕЦ", А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО "АММАЛАТ-БЕК", А. В. ДРУЖИНИНА "MADMOISELLE JEANNETTE" И Л. Н. ТОЛСТОГО "ХАДЖИ-МУРАТ"

"Мать" - один из фундаментальных архетипических образов в мировой культуре, имеющих множество художественно-эстетических интерпретаций, обусловленных запросами исторического времени, национальными традициями, индивидуальным мировидением писателя. Автор статьи рассматривает основные типологические модификации архетипического образа матери на материале нескольких произведений русских кавказоведов - М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского, А. В. Дружинина и Л. Н. Толстого. Образы героической, кросс-культурной и пацифистской матери выделяются как ключевые. При всей многоплановости объединяющим началом материнских образов служит стремление к миротворчеству и прекращению военного конфликта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 36-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

«Мать» – один из фундаментальных архетипических образов в мировой культуре, имеющих множество художественно-эстетических интерпретаций, обусловленных запросами исторического времени, национальными традициями, индивидуальным мировидением писателя. Автор статьи рассматривает основные типологические модификации архетипического образа матери на материале нескольких произведений русских кавказоведов – М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского, А. В. Дружинина и Л. Н. Толстого. Образы героической, кросс-культурной и пацифистской матери выделяются как ключевые. При всей многоплановости объединяющим началом материнских образов служит стремление к миротворчеству и прекращению военного конфликта.

Ключевые слова и фразы: русская литература; Кавказская война; Лермонтов; Бестужев-Марлинский; Дружинин; Толстой; архетип матери; модификация.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru*

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МАТЕРИ В КАВКАЗОВЕДЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «БЕГЛЕЦ», А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО «АММАЛАТ-БЕК»,
А. В. ДРУЖИНИНА «MADMOISELLE JEANNETTE» И Л. Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»**

Стремительное развитие антропоцентрического литературоведения на рубеже XX-XXI веков обострило интерес исследователей к гендерной проблематике. К представителям самых разных гуманитарных наук приходит осознание того, что философская категория «человек» так и останется абстрактной категорией, если не конкретизировать ее сущность суммарными подкатегориями «мужчина», «женщина», «юноша», «девушка», «отец», «мать» и т.д. Такая мысль содержится в обстоятельной и глубокой статье В. М. Головки «Антропоцентрическая парадигма в литературоведении: концепция системной стратификации», где автор настаивает на необходимости рассматривать человека дифференцированно, стратифицированно, учитывая «экзистенцию живого индивида» [2, с. 16]. Отталкиваясь от приведенного теоретического положения, автор статьи предпринимает попытку рассмотреть специфику архетипического образа матери в кавказоведческих произведениях «Беглец» М. Ю. Лермонтова, «Аммалат-бек» А. А. Бестужева-Марлинского, «Madmoiselle Jeannette» А. В. Дружинина и «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого. Важно учесть, что каждый из перечисленных авторов был не кабинетным ученым, но живым свидетелем отечественной истории, запечатлевшим художественно правдивый физический и психологический облик северокавказской и славянской матери.

Один из ярчайших типажей северокавказской матери воссоздан в романтической поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» [5]. В основу произведения положено старинное, исторически достоверное предание, в той или иной вариации имеющее широкое хождение среди кабардинцев, черкесов, аварцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и других горских народов Северного Кавказа. Согласно этой легенде, все мужское население аула отправилось на освободительную войну с иноверцами. В результате ожесточенной битвы воины-горцы погибли, и лишь один юноша вернулся домой живым. Возвращением он думал обрадовать свою мать, однако старая женщина со словами проклятья прогоняет его, как позорного труса.

Сходная архифабула определяет содержание лермонтовской поэмы, которой автор предпослал подзаголовок «Горская поэма», тем самым обозначив интертекстуальную связь произведения с кавказским фольклором. В интерпретации М. Ю. Лермонтова, молодой джигит по имени Гарун, «усталый, жаждою томимый» [Там же, с. 253], возвращается в родной аул, но вместо материнских объятий его встречает «неприветливый порог» [Там же, с. 254]. Родительница, узнав о том, что Гарун вернулся один, не отомстив за смерть отца, старшего брата и павших односельчан, обрушивается на него с гневом:

«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус и мне не сын!» [Там же, с. 256].

По этому образу можно судить о том, что каждый этноколлектив, в зависимости от исторических условий и витально необходимых потребностей, конструирует определенный гендерный стереотип «идеальной матери». Как справедливо отмечают современные гендерологи, «конструирование гендера – это не только процесс и результат “встраивания” индивида в социально и культурно обусловленные модели мужественности и женственности, принятые в данном обществе на данном историческом этапе, но и любое дискурсивное воспроизводство гендерных смыслов» [3, с. 200].

Гендерный статус матери «беглеца» полностью соответствует требованиям горского общества XIX века. Логично, что народ, вынужденный день и ночь обороняться от внешних врагов, мог в качестве «нормативной родительницы» утвердить только ту модель матери, которая способна, не задумываясь, поставить социально-политические интересы своего этноколлектива выше собственных биологических инстинктов, чисто материнского эмотивного отношения к ребенку. Надо сказать, в произведениях северокавказского фольклора довольно типичным является образ воинственной матери, отрекающейся от сына-труса.

Типологически сходный образ матери изображен и в романтической повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» [1]. Вторая часть главы XIII читается как ода кавказской женщине-горянке, которая по своей внутренней природе является миротворицей, противницей всяких войн, заступницей всего живого и здорового. Не зря именно на кавказской земле зародился обычай бросать платки между враждующими сторонами, чтобы остановить кровопролитие. Мать Селтанеты, долгое время пребывавшая в образе «великой молчальницы», в экстремальный момент с гневом обрушивается на Аммалат-бека, называет его «послом ада», «кровопийцей», «людоедом», «бездушником», «безбожником», который поднял руку на своего русского брата, «благодетеля, защитника и друга». Клеймя позором братоубийцу, она прогоняет Аммалат-бека из дома со словами: «Нет, гробом предков и саблями сыновей клянусь: ты никогда не будешь зятем моим, знакомцем, гостем моим. Удались из моего дома, изменник! У меня есть сыновья, которых можешь ты резать, обнимая, у меня есть дочь, которую можешь ты зачаровать, отравить змеиными своими взорами. Ступай скитаться в ущельях гор, учи тигров терзать друг друга и отбивай падаль у волков. Ступай и ведай, что дверь моя не отворяется для братоубийцы» [Там же, с. 101]. Писатель поэтизирует ханшу как женщину, способную встать над семейными, аульскими, племенными, национальными интересами во имя высших общечеловеческих, гуманистических идеалов.

Интересный образ кросс-культурной матери, способной соединить западное и восточное, русское и кавказское, христианское и мусульманское, изображен в рассказе А. В. Дружинина «Madmoiselle Jeannette» [4]. Наталья Сергеевна Мальшевская, по-своему исправляя милитаристские ошибки мужчин, в том числе и своего мужа – офицера царской армии, берет на воспитание маленькую осиротевшую девочку-горянку. На протяжении многих страниц автор описывает длительный и кропотливый процесс воспитания «прелестной дикарки», приобщение ее к просвещению, к нормативам европейского социального общежития. Счастливый финал рассказа литературоведы объясняют тем, что в нем «инициативой владеют, по существу, не столько мужчины, русские или кавказцы, сколько женщина-горянка, которой в ее миротворческой миссии и силе на Кавказе равных нет» [6, с. 36].

Своего рода семейно-социальную катастрофу Л. Н. Толстой в повести «Хаджи-Мурат» показывает на примере матери российского солдата Петра Авдеева, который отправился на Кавказскую войну, получив смертельное ранение во время рубки леса и скончался в Воздвиженском госпитале. Заметим, в антивоенных произведениях многих зарубежных и отечественных авторов (Ремарк, Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон, Ю. Бондарев, В. Быков, М. Шолохов и др.) можно встретить коротенькие глубокомысленные предложения, поражающие своим парадоксальным содержанием. В названной повести Л. Н. Толстого тоже обнаруживается такое по-настоящему «суггестивное» предложение, характеризующее мать погибшего солдата: «Старуха, получив известие о смерти, повыла, покуда было время, а потом взялась за работу» [7, с. 420].

Толстой, великий гуманист, парой художественных штрихов подчеркивает абсурдность и скоротечность человеческой жизни на войне. В отрывке, посвященном смерти Авдеева, автор неоднократно использует определение «новый» по отношению к вещам. Вот как он описывает мать погибшего солдата: «По протоптанной из двора тропинке, скрипя по снегу *новыми* лаптями на туго обвязанных шерстяных онучах, подошла старуха» [Там же, с. 418]. В подтексте произведения проводится ассоциативное сопоставление новеньких, белых вещей с человеческой жизнью: вещи можно заменить, человека – нет. Описание бессмысленной, бесславной и нелепой смерти молодого русского солдата достигает своего трагического накала в письме матери, которое «пережило» своего адресата и в непрочитанном виде вернулось обратно к матери: «А еще, милое мое дитятко, голубок ты мой Петрушенька, выплакала я свои глазунки, о тебе сокрушаючись. Солнышко мое ненаглядное, на кого ты меня оставил?» [Там же, с. 420]. Текст этого письма-плача, интертекстуально восходящий к плачу Ярославны («Слово о Полку Игореве»), подчеркивает непрерывность войн и непрерывность женского плача как в истории России, так и всего человечества.

Думается, Л. Н. Толстой неслучайно статусом матери наделяет в повести «Хаджи-Мурат» и княгиню Марью Васильевну, которая проживает в военной крепости северокавказского фронта с малолетним сыном по кличке Булька. Согласно художественной логике произведения, ее мягкий нрав, мудрость, толерантное отношение к представителям противоположного лагеря обусловлены природным материнским инстинктом, ее внутренним желанием прекратить братоубийственную войну. Именно она находит ключ к Хаджи-Мурату, видя в нем, прежде всего, страдающую личность, а не «чужого, страшного человека» [Там же, с. 411].

Славянские и кавказские матери в повести Л. Н. Толстого словно глядятся друг в друга, вступая в своеобразный метафизический диалог. Так, Хаджи-Мурат, который любовался материнской красотой и величавостью Марьи Васильевны, через несколько страниц вспоминает собственную мать: «Как живу, он видел перед собой мать – не такую сморщенной, седой и с решеткой зубов, какой он оставил ее теперь, а молодой, красивой и такой сильной, что она, когда ему было уже пять лет и он был тяжелый, носила его за спиной в корзинке через горы к деду» [Там же, с. 486]. Согласно историческим фактам и по литературной версии Л. Н. Толстого, мать Хаджи-Мурата, взятая в заложницы, гибнет от рук недругов своего сына. Смерть старой женщины – смерть матери в художественно-философском контексте повести выступает как высшая форма отрицания насилия, войны.

Исследованный художественный материал показывает наличие в кавказоведческих произведениях русских писателей XIX века нескольких архетипических образов матери. Первый тип героической, самоотверженной, мобилизованной матери характерен для романтических произведений – лиро-эпической поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» и повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек». Образ кросс-культурной матери, нацеленной на соединение двух этнокультурных миров, получил полновесное изображение в рассказе А. В. Дружинина «Madmoiselle Jeannette». К отличительным психологическим свойствам «матерей» Л. Н. Толстого следует отнести глубокий и врожденный женский пацифизм, полное отрицание войны как самого страшного злодеяния в мире.

Список источников

1. **Бестужев-Марлинский А. А.** Амалат-бек // Опальные русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3-х т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 55-109.
2. **Головко В. М.** Антропоцентрическая парадигма в литературоведении: концепция системной стратификации // Антропоцентрическая парадигма в филологии: материалы Международной научной конференции: в 2-х ч. / ред.-сост. Л. П. Егорова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. Ч. 1. Литературоведение. С. 16-27.
3. **Гриценко Е. С., Сергеева М. В., Лалетина А. О., Бодрова А. А., Дуняшева Л. Г.** Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / под общ. ред. Е. С. Гриценко. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 224 с.
4. **Дружинин А. В.** Madmoiselle Jeannette: рассказ // Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 2-х т. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1863. Т. I. С. 546-579.
5. **Лермонтов М. Ю.** Беглец // Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1968. С. 253-257.
6. **Недзвецкий В. А.** Межкультурный диалог в «Аммалат-Беке» А. А. Бестужева-Марлинского, «Бэле» М. Ю. Лермонтова и «Madmoiselle Jeannette» А. В. Дружинина // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 7 (49). С. 24-37.
7. **Толстой Л. Н.** Хаджи-Мурат // Толстой Л. Н. Повести. Рассказы / сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Виноградова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 385-499.

**ARCHETYPICAL IMAGE OF MOTHER IN THE “CAUCASIAN” WORKS “THE FUGITIVE”
BY M. YU. LERMONTOV, “AMMALAT-BEK” BY A. A. BESTUZHEV-MARLINSKY,
“MADMOISELLE JEANNETTE” BY A. V. DRUZHININ AND “HADJI MURAT” BY L. N. TOLSTOY**

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

“Mother” is one of the fundamental archetypal images of world culture which have many artistic and esthetic interpretations conditioned by the demands of a certain historical period, national traditions, writer’s individual worldview. The author examines the basic typological modifications of “mother” archetypal image by the material of the works of “Russian Caucasians” – M. Yu. Lermontov, A. A. Bestuzhev-Marlinsky, A. V. Druzhinin and L. N. Tolstoy. The images of “heroic”, “cross-cultural” and “pacifist” mother are identified as the key ones. Regardless of their multi-aspect nature, all “maternal images” have a common element – peacemaking efforts and will to terminate military conflict.

Key words and phrases: Russian literature; Caucasian war; M. Ya. Lermontov; A. A. Bestuzhev-Marlinsky; A. V. Druzhinin; L. N. Tolstoy; archetype of mother; modification.

УДК 80

В статье с опорой на труды Н. Л. Пушкиревой, Л. Д. Ерохиной рассматривается история формирования «женских штудий» как составной части антропоцентрической философии и литературоведения. Показана историческая подвижность «гендера» как философско-эстетической категории, качественное содержание которой зависит от ценностных приоритетов эпохи. Проведен диахронический анализ «гендерного дискурса» культуры от античности до эпохи критического реализма, отмечено маятниковое колебание статусов фемининного и маскулинного в общественном сознании. Основной методологический смысл статьи сводится к необходимости учета «направленческого фактора» при анализе гендерного дискурса художественного текста.

Ключевые слова и фразы: антропология; литературоведение; гендерный дискурс; историческая диахрония; античность; Средневековье; Возрождение; Просвещение; романтизм; реализм; методология.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru

**ГЕНДЕР КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Развитие антропоцентрического литературоведения на рубеже XX-XXI вв. обострило интерес исследователей к гендерной проблематике. К представителям самых разных гуманитарных наук приходит осознание того, что философская категория «человек» так и останется абстрактной категорией, если не конкретизировать ее сущность подкатегориями «взрослый», «ребенок», «юноша», «девушка», «мужчина», «женщина», «старик», «старуха» и т.д. Схожая мысль содержится в обстоятельной и глубокой статье В. М. Головки «Антропоцентрическая парадигма в литературоведении: концепция системной стратификации», где автор настаивает на необходимости рассматривать «человека» дифференцированно, стратифицированно, учитывая «экзистенцию живого индивида» [1, с. 16]. Похоже, исправить тысячелетнюю ошибку «абстрактной антропологии» взялась наука о гендере, для начала выделившая из «человековедения» два главных старта – «мужчину» и «женщину».